

А.Б. СИНЕЛЬНИКОВ

СЕМЬЯ И БРАК: КРИЗИС ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ?¹

Аннотация: Согласно популярной «теории второго демографического перехода» сожителство является эквивалентом законного брака. Автор критикует эту точку зрения. Большинство мужчин и женщин вступают в брак с тремя главными целями: стать счастливыми; избежать одиночества; иметь детей. Автор определяет степень достижения этих целей по данным исследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ–ВШЭ» (RLMS–HSE), проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Результаты расчетов демонстрируют, что по всем показателям (процент респондентов, считающих себя счастливыми и свободными от чувства одиночества, число детей на 100 женщин и процент женщин без детей) сожители занимают промежуточное положение между одинокими и состоящими в браке. Сожительство — это не особая современная форма брака, а «промежуточное» между одиночеством и законным браком семейное положение. Уменьшение числа законных браков и рост числа сожительских пар ведет не к модернизации семьи, а к ее ослаблению как социального института. Основные функции семьи состоят в воспроизводстве населения, воспитании детей и в обеспечении психологического комфорта для членов семьи. «Прогрессивные» союзы, основанные на сожительстве, часто остаются бездетными и, соответственно, реже выполняют все эти функции, чем традиционные семьи с несколькими детьми, по мнению автора, нуждающиеся во всесторонней поддержке.

Ключевые слова: семья; брак; развод; повторный брак; сожителство; счастье; одиночество; теория второго демографического перехода; кризис; модернизация.

Синельников Александр Борисович — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор, кафедра социологии семьи и демографии, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
Адрес: 119 234, Россия, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, 3-й учебный корпус, Социологический факультет.

Телефон: +7 (495) 939-50-60. **Электронная почта:** sinelka@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)» №18-011-01037.

Для цитирования: Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 1. С. 95–113. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715

**Постановка проблемы:
какая из двух «семейных парадигм» более обоснована?**

В социологической и демографической литературе давно идет полемика между сторонниками двух парадигм — «кризиса семьи» и «модернизации семьи» [7; 14]. Сторонники первой парадигмы считают, что институт брака, на котором основана семья, деградирует, как и весь социальный институт семьи в целом [2; 18].

Люди понимают, что прочность брака зависит не только от них самих, но и от их супругов, поведение которых непредсказуемо даже при добром и заботливом отношении с их стороны [17]. Кризис семьи проявляется не только в частых разводах, но и в том, что число самих законных браков уменьшается. На смену им приходят сожительства, которые в быту называют «гражданскими браками». Многие мужчины и женщины отказываются регистрировать в ЗАГСе свои отношения с партнерами. В случае разрыва неформального союза они могут не опасаться того, что те отсудят часть их дома или квартиры, как это часто делают бывшие супруги.

Многие социологи и демографы считают, что сама модель традиционной семьи, основанной на прочном браке с несколькими детьми, устарела и не вписывается в современное общество. На смену ей приходит новая, «многовариантная» модель, описанная в теории «второго демографического перехода» [22; 23; 24; 25], которая основана на парадигме модернизации семьи в результате общественного прогресса и демократизации.

По мнению одного из создателей этой теории голландского социолога и демографа Дирка ван де Каа (D.J. van de Kaa), второй демографический переход ведет «от “золотого века” брака к кохабитационному [сожительскому] союзу... [и]... от однородного хозяйства к плюралистическим типам семьи и домашнего хозяйства» [15, с. 65].

Еще недавно однородным, то есть нормативным типом семьи и домохозяйства, признавалась только традиционная «естественная» семья — супружеская пара с детьми, а люди, имеющие семьи других типов или вообще не имеющие семьи, считались нарушителями социальной нормы. Если нарушение происходило не по их воле (например из-за бесплодия), то они вызывали у окружающих сожаление. Если же они сами решали никогда не вступать в брак или остаться бездетными в браке, либо, напротив, рожать вне брака или расторгать брак по неуважительным (согласно понятиям своего времени) причинам, то подвергались общественному осуждению.

«Второй демографический переход» принес «плюрализм» и равноправие всех типов семьи и домохозяйства, то есть социальный статус и престиж индивида в странах, прошедших этот переход, уже не зависит от его семейного положения. Пары, решившие никогда не иметь детей, ни в чем не уступают семьям с детьми, сожительство ничем не хуже законного брака [4, с. 20], отсутствие отцов не влияет негативно на воспитание детей в семьях одиноких и разведенных матерей [6].

Приверженцы парадигмы «модернизации семьи» считают, что в современном обществе каждый имеет право на свободный и социально приемлемый выбор между браком, сожительством и одиночеством, детностью и бездетностью [24, с. 425], семейным и внесемейным образом жизни [21] и что все это входит в число прав человека.

При такой свободе выбора естественные семьи традиционного типа, которые раньше имели достаточно много детей [3, с. 91] и компенсировали этим бездетность и малодетность семей других типов и одиноких людей, остаются в меньшинстве. Это ведет общество к вымиранию. Но сторонников модернизационной парадигмы такая перспектива не беспокоит. Они полагают, что кризис переживает не сам по себе институт брака, а лишь законный брак «на всю оставшуюся жизнь», который создает для супругов множество взаимных обязательств, в частности — жить вместе с супругом и заботиться о нем даже после того, как «чувства остыли».

На смену прочному законному браку приходит череда временных «свободных союзов» с разными партнерами, куда менее обременительных [5; 13]. Они прекращаются не только тогда, когда один из партнеров нарушает взаимную верность или другие правила совместной жизни, но и тогда, когда у инициатора разрыва «любовь прошла» либо обратилась на третье лицо без какой-либо вины другой стороны. И не важно, что дети будут расти в неполной семье [6; 19] или их будет растить отчим, даже если родной отец жив, здоров, не пьянствует, не бросал семью и всегда заботился о них.

Один из главных аргументов сторонников модернизационной парадигмы состоит в том, что после развода люди, как правило, не остаются одинокими, а вступают либо в повторный брак, либо в «партнерский союз», причем между этими двумя формами отношений нет принципиальных различий [11, с. 115].

Цель этой статьи — установить, что же происходит с социальными институтами семьи и брака — кризис или модернизация? Для этого следует проверить две гипотезы.

Гипотеза № 1. Подавляющее большинство разведенных мужчин и женщин создают и сохраняют новые полные семьи (с регистрацией нового брака или без этого).

Гипотеза № 2. Между законным браком и сожительством нет существенных различий.

Эмпирическая база исследования

Для проверки этих гипотез использована опубликованная база данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE)» (РМЭЗ), проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Лонгитюдное обследование домохозяйств РМЭЗ НИУ ВШЭ — это серия ежегодных общенациональных *репрезентативных* опросов на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки, разработанной при участии ведущих мировых экспертов в этой области. Автор использовал базу данных опроса 2016 г. (далее RLMS–HSE-2016² — 15306 респондентов), на основании которой произвел расчеты и построил графики, чтобы показать, верны ли гипотезы № 1 и № 2.

Результаты исследования

Уровень компенсации разводов новыми браками и сожительствами

Семейное положение мужчин в возрасте от 18 до 49 лет после прекращения первого брака характеризуется следующими данными (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение мужчин 18–49 лет с опытом прекращения первого законного брака по семейному положению на момент опроса (N=613) (здесь и далее расчеты по базе данных RLMS–HSE-2016)

Среди 613 респондентов-мужчин, у которых прекратился первый законный брак, состояли в повторном браке на момент опроса только 41%, то есть явное меньшинство. Еще 29% жили вместе со своими

² Сайты обследования RLMS–HSE, см.: URL: <<http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>> и <<http://www.hse.ru/rlms>> (дата обращения 17.08.2017).

партнершами без регистрации брака и считали друг друга мужем и женой. Остальные 30% не считали себя состоящими ни в законном, ни в «гражданском» браке. Либо у них так и не появилась новая семья, либо и она тоже распалась. Если треть мужчин репродуктивного возраста, переживших распад первого брака, так и остаются одинокими, то это означает, что они либо не могут, либо не хотят создать и сохранить другую семью, пускай даже без регистрации брака.

У женщин ситуация значительно хуже (см. рис. 2).

Рис. 2. Распределение женщин 18–49 лет с опытом прекращения первого законного брака по семейному положению на момент опроса (N=1152)

Среди 1152 женщин 18–49 лет, чей первый брак не сохранился, к моменту опроса, состояли в законном повторном браке лишь 30%. 22% жили вместе с неофициальными партнерами и считали друг друга супругами, а 47% вообще не состояли в каких-либо формах супружеского союза. (Из-за проведенных округлений сумма данных по всем группам составляет не 100, а 99%)³. Эти данные относятся ко всем женщинам, независимо от наличия детей. Вероятно, у женщин, имеющих детей от первого брака, значительно меньше шансов найти себе нового мужа или сожителя, чем у бездетных. Но даже если они вновь выходят замуж, далеко не каждый отчим может полноценно заменить детям родного отца [20].

³ При данных формулировках вопросов и вариантов ответа на них процент состоящих в повторном законном браке можно определить лишь для вдовых и разведенных вместе взятых. Но среди респондентов — мужчин 18–49 лет — было 344 разведенных и 18 вдовцов, а среди женщин этого возраста — 672 разведенных и 129 вдов, не считая состоящих в законном повторном браке. Вдовы и вдовцы составляют лишь малую часть среди лиц репродуктивного возраста, у которых прекратился первый брак, и поэтому не могут существенно повлиять на долю состоящих в повторном браке.

Неполную компенсацию разводов повторными браками иногда объясняют тем, что не все люди создают вторую семью сразу же после распада первой, то есть пребывание в статусе разведенных (а для женщин — также и в роли матерей в неполных семьях) часто носит временный характер [19, с. 81]. Но для очень многих временным является также и состояние в повторном браке, который имеет такие же шансы на распад, как и первый [10, с. 76–77].

Утверждать, что большая часть мужчин и примерно половина женщин, переживших прекращение первого законного брака, живут в повторном браке, можно лишь при условии, что сожительство ничем не отличается от законного супружества. Но правомерно ли это допущение?

Обретение личного счастья и избавление от одиночества в законном браке и в сожительстве

Большинство мужчин и женщин создают семью с тремя главными целями: стать счастливыми; избежать одиночества; иметь детей.

Судить о степени достижения этих целей можно по данным RLMS–HSE-2016, сравнивая показатели трех групп: 1) женатые / замужние, проживающие совместно с супругами; 2) сожительствоющие; 3) одинокие, то есть не имеющие ни законных супругов, ни сожителей.

71% женатых мужчин 18–29 лет считают себя очень или довольно счастливыми (рис. 3). Это на 8 процентных пунктов больше, чем среди их ровесников-сожителей. Различие на грани достоверности — доверительный уровень $P = 0,94$. Судя по ситуации в других половозрастных группах, это различие все же не случайно. Значимость же различия между женатыми и одинокими, а также между сожителями и одинокими несомненна. В обоих случаях $P > 0,99$.

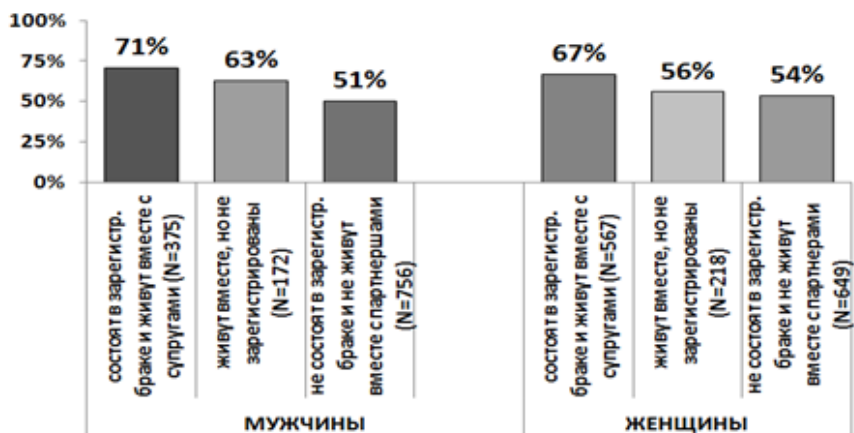

Рис. 3. Доля респондентов, считающих себя очень счастливыми или довольно счастливыми, среди мужчин и женщин 18–29 лет с разным семейным положением

Среди женщин-сожительниц доля счастливых меньше, чем среди замужних на 11 процентных пунктов, а среди одиноких — на 13 процентных пунктов. Оба этих различия статистически значимы ($P > 0,99$). В то же время разница между сожительницами и одинокими очень мала (2%) и статистически незначима.

Молодым женщинам сожительство приносит не больше счастья, чем одиночество, и значительно меньше, чем законный брак.

После 30 лет не иметь ни супруга, ни сожителя — это уже отклонение от социальной нормы — неписаного закона, обязывающего всех мужчин и женщин среднего возраста иметь семью. Поэтому доля счастливых среди одиноких мужчин 30–39 лет уменьшается до 26%, а среди одиноких женщин — до 28% (рис. 4). Обе эти цифры почти вдвое меньше соответствующих показателей для одиноких людей 18–29 лет и для женатых / замужних 30–39 лет. Доля счастливых среди сожителей больше, чем среди одиноких, но меньше, чем среди состоящих в браке. Статистическая значимость всех этих различий вне сомнения.

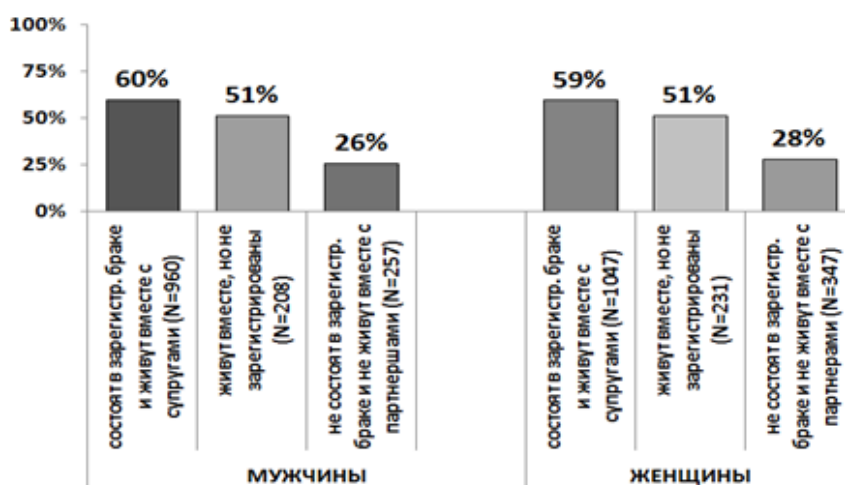

Рис. 4. Доля респондентов, считающих себя очень счастливыми или довольно счастливыми, среди мужчин и женщин 30–39 лет с разным семейным положением

Еще более заметно (и статистически существенно) проявляется эта закономерность у мужчин и женщин 40–49 лет (рис. 5).

Во всех репродуктивных возрастах доля лиц, которые практически никогда не испытывают чувство одиночества, среди сожительствующих больше, чем среди одиноких, но меньше, чем среди состоящих в браке. Различия между тремя вариантами семейного положения почти во всех половозрастных группах статистически значимы.

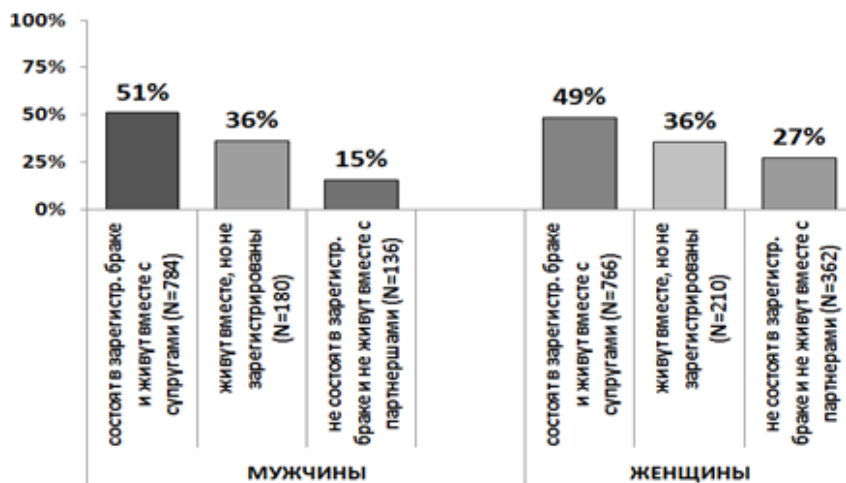

Рис. 5. Доля респондентов, считающих себя очень счастливыми или довольно счастливыми, среди мужчин и женщин 40–49 лет с разным семейным положением

Среди женатых мужчин 18–29 лет доля лиц, практически никогда не испытывающих чувство одиночества, равна 73%, что лишь на 3 процентных пункта больше, чем среди их сожительствующих ровесников (рис. 6). Это различие статистически недостоверно. Однако у женщин разница между замужними (66%) и сожительницами (58%) более заметна и значима ($P = 0,95$). Значительно ниже доля тех, кто не ощущает одиночества, среди действительно одиноких мужчин (58%) и женщин (45%) (рис. 6). У обоих полов эти доли статистически значимо отличаются от аналогичных цифр как для состоящих в законном браке, так и для сожительствующих ($P > 0,99$).

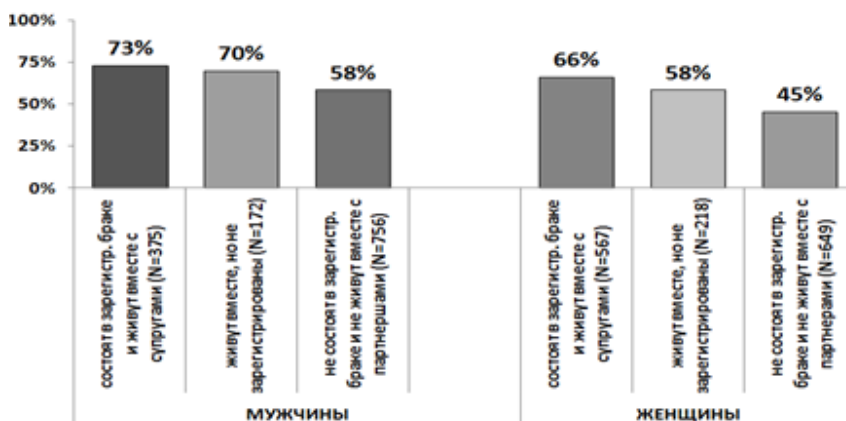

Рис. 6. Доля респондентов, практически никогда не испытывающих чувство одиночества, среди мужчин и женщин 18–29 лет с разным семейным положением

Те же закономерности проявляются для возрастной группы 30–39 лет (рис. 7). Чаще всего свободны от чувства одиночества женатые и замужние, на втором месте (с не очень большим, но значимым отрывом) — сожители, а на последнем месте (с большим отрывом от обеих групп) — реально одинокие.

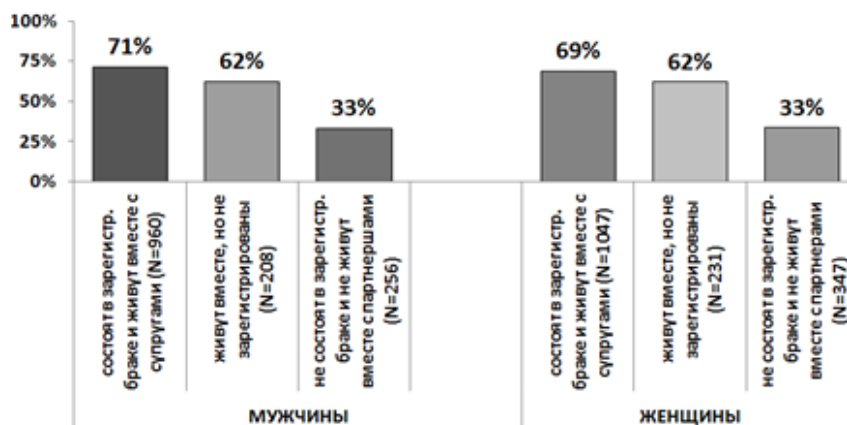

Рис. 7. Доля респондентов, практически никогда не испытывающих чувство одиночества, среди мужчин и женщин 30–39 лет с разным семейным положением

Аналогичные статистически значимые различия показателей между группами наблюдаются и для респондентов от 40 до 49 лет (рис. 8).

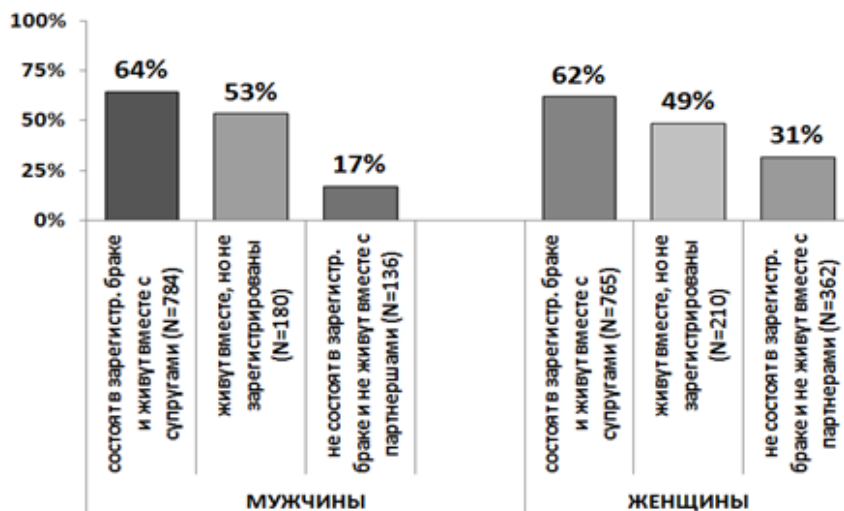

Рис. 8. Доля респондентов, практически никогда не испытывающих чувство одиночества, среди мужчин и женщин 40–49 лет с разным семейным положением

Если сравнить рисунки 3 и 6, 4 и 7, 5 и 8, то видно, что сожительство избавляет от чувства одиночества чаще, чем приносит ощущение счастья, но законный брак больше, чем сожительство, способствует и тому и другому.

Число детей у законных супругов и у сожителей

По мнению заместителя директора института демографии Высшей школы экономики С.В. Захарова, «золотой век господства традиционного брака в России пришел к закату» [9], но это не влияет на уровень и динамику рождаемости. Он пишет: «Так ли уж ущербны с демографической точки зрения новые формы супружества и семейной жизни? Опыт целого ряда зарубежных развитых стран свидетельствует, что переход к многообразию типов супружеских отношений, когда привычный брак соседствует с консенсуальным союзом, может приносить не проигрыш, а выигрыш в отношении рождаемости. Сегодня в Европе более высокая общая рождаемость встречается в тех странах, где высока и доля “внебрачных” рождений (читай, высок вклад в общую рождаемость в широко распространившихся незарегистрированных союзах). Не этот ли путь повышения рождаемости уготован и России» [9].

Однако, в отличие от России, в Австралии, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Испании, Канаде, Люксембурге, Нидерландах, Новой Зеландии, Португалии, Словении, Франции, Чехии, Швеции, некоторых других странах и в ряде штатов США пары, не желающие вступать в законный брак, могут заключать договор о «гражданском союзе» (civil union), который дает практически те же права, что и законный брак, в отношении совместного владения собственностью, ее наследования и т. д. [12, с. 83–98]. Дети этих пар живут с обоими родителями, но официально считаются рожденными вне брака, что и создает иллюзию высокой внебрачной рождаемости.

Преимуществом гражданского союза перед законным браком является легкость его расторжения. Для развода почти во всех странах необходима судебная процедура. Зачастую это требует больших расходов на услуги адвокатов, занимает много времени и связано с немалыми трудностями, особенно если один из супругов не согласен на развод и / или надо доказать наличие законных оснований к расторжению брака (измена, жестокое обращение с другим супругом и детьми и др.). Гражданский же союз расторгается в одностороннем порядке, без суда и даже без объяснения причин. Но если партнеры совместно приобрели собственность, то ее надо делить так же, как и после развода.

В России же можно расторгать брак вообще без суда, прямо в ЗАГСе, если оба супруга согласны на развод и не имеют общих детей до 18 лет. Но и для пар с детьми получить развод — не проблема. Даже если муж или жена не дает согласия на развод, суд может лишь отложить расторжение брака не более чем на три месяца. Развод давно стал морально приемлемым поступком и не создает помех для карьеры, как

это было в СССР. Однако судебные тяжбы между бывшими мужьями и женами о разделе жилья делятся годами. Нередко они продолжают жить в одной квартире, не имея возможности разъехаться, и даже приводят туда новых супругов. В нашей стране многие люди отказываются от регистрации брака именно потому, что не желают вмешивать государство в свои отношения с сожителями и рисковать потерей квартиры.

Таким образом, неофициальные «гражданские браки», то есть сожительства, в России и законно оформленные «гражданские союзы» в западных государствах, которые С.В. Захаров считает моделью будущего для нашей страны, — это не одно и то же. Если где-то на Западе сожители чувствуют себя не менее комфортно в имущественном отношении и имеют в среднем не меньше детей, чем законные супруги, то у нас дело обстоит иначе. В том числе и в отношении рождаемости.

По данным RLMS–HSE-2016, на каждых 100 замужних женщин 18–29 лет приходится 110 детей, причем у 22% из этих женщин (чаще у тех, которые вышли замуж недавно) детей еще нет. В расчете на 100 сожительствующих женщин этого возраста приходится лишь 58 детей, а у 62% этих женщин нет ни одного ребенка, то есть доля бездетных среди них примерно в три раза больше, чем среди замужних. Каждые 100 одиноких женщин той же возрастной группы имеют лишь 16 детей, а у 88% из них детей нет (рис. 9). Различия между группами значимы.

Рис. 9. Число детей и доля бездетных на 100 женщин 18–29 лет с разным семейным положением

Если в возрастах до 30 лет по показателям детности и бездетности сожительствующие занимают промежуточное положение между одиночными и замужними, то после 30 лет они ближе к одиночным (рис. 9).

В расчете на 100 замужних женщин 30–39 лет приходится 173 ребенка и лишь 5% из них бездетны. Аналогичные показатели для сожительствующих — 132 ребенка на 100 женщин и 22% бездетных — заметно отличаются от соответствующих цифр для замужних и ближе

к данным для одиноких — 101 ребенок на 100 женщин и 29% вообще без детей (рис. 10).

Рис. 10. Число детей и доля бездетных на 100 женщин 30–39 лет с разным семейным положением

В возрасте от 40 до 49 лет, когда эти показатели являются уже *итоговыми*, различия между группами становятся еще заметнее (рис. 11). На 100 замужних женщин 40–49 лет приходится 174 ребенка, а доля бездетных составляет лишь 3%. У сожительствующих среднее число детей на 100 женщин заметно ниже — 142, а доля бездетных (13%), напротив, в четыре раза выше⁴.

Рис. 11. Число детей и доля бездетных на 100 женщин 40–49 лет с разным семейным положением

⁴ В анкете есть вопрос об общем числе детей у женщины, а не о числе ее детей от нынешнего супруга или сожителя. У многих женщин, живущих с сожителями, есть дети только от бывших мужей. Рождение детей от сожителя может стимулировать регистрацию брака, но далеко не всегда.

Некоторые женщины и / или их сожители отказываются как от регистрации брака, так и от рождения хотя бы одного ребенка, чтобы не ограничивать свою личную свободу. Рост числа таких людей — серьезная демографическая проблема [16].

Итоговые показатели детности и бездетности у сожительниц близки к аналогичным цифрам у одиноких — 127 детей на 100 женщин и 17% бездетных (на 4 процентных пункта меньше, чем среди одиноких, но это различие статистически незначимо).

Категории сожительствующих и одиноких женщин неоднородны. До 30 лет подавляющее большинство и тех и других никогда не были замужем. В группе после 30 лет резко повышается процент разведенных, а в старшей из рассматриваемых групп их становится гораздо больше, чем никогда не состоявших в законном браке. Число вдов невелико. Почти все вдовы и разведенные имеют детей. Впрочем, среди никогда не бывших замужем одиноких женщин 40—49 лет 61% также имеют детей (как правило, одного).

Таким образом, по результатам исследования, мы приходим к заключению, что сожительство — это промежуточная форма семейного положения между одиночеством, с одной стороны, и законным супружеством, с другой. Но такое промежуточное состояние далеко не всегда является переходным этапом, то есть пролонгированным процессом вступления в брак. Многие пары никогда не регистрируют своих отношений в ЗАГСе. По данным проведенного Росстатом выборочного наблюдения репродуктивных планов населения за 2012 год⁵, даже в случае рождения ребенка лишь 44,6% мужчин и 45,1% женщин, состоящих в «гражданском браке», намерены обязательно зарегистрировать этот брак [1; табл. 9 и 10].

Заключение

Гипотеза № 1 подтвердилась лишь частично, причем более в отношении мужчин, нежели женщин. Нельзя считать, что разводы полностью или почти полностью «компенсируются» повторными союзами. В законном повторном браке состоит лишь меньшинство — около 40% мужчин и примерно 30% женщин репродуктивного возраста, у которых прекратился первый зарегистрированный брак. Еще около 30% мужчин и немногим более 20% женщин, переживших развод или смерть супруга, состоят в сожительстве, но это не эквивалентно законному супруеству. Около трети мужчин и половины женщин больше не создают новую семью (хотя бы и без регистрации) либо эта семья тоже распадается.

Гипотеза № 2 не подтвердилась. Анализ социологических данных показал, что различия между законным браком и сожительством весь-

⁵ Опрошено 10054 человека, в том числе 5144 женщины от 18 до 45 лет и 4910 мужчин от 18 до 60 лет в 30 субъектах Российской Федерации.

ма существенны. Основные цели, ради которых люди вступают в брак (достижение личного счастья, избавление от одиночества и рождение детей) в сожительствах достигаются значительно реже, чем в законных супружеских союзах. Поэтому *не следует приравнивать сожительство к браку. Это — промежуточная форма семейного положения между законным браком и одиночеством. Замена браков сожительствами означает постепенный переход от семейного образа жизни к одиночному.*

Если люди все чаще разводятся и все реже вообще вступают в законный брак, предпочитая ему менее обязывающее сожительство или полную свободу в одиночестве, то этот путь, называемый вторым демографическим переходом, ведет не к модернизации семьи и брака, а к разрушению семьи как социального института, без которого невозможно воспроизводство населения.

Но сторонники модернизационной парадигмы считают, что депопуляция, то есть негативный баланс рождаемости и смертности, решает экологические и экономические проблемы, избавляя нашу планету от «излишков» населения, для которого, по их мнению, не хватает природных ресурсов [4, с. 23–24]. При этом подразумевается, что после уменьшения населения мира до «оптимума», рассчитанного экологами или экономистами, его численность должна стабилизироваться.

Однако стабилизация возможна при условии, что каждые 100 женщин родят за всю жизнь не менее 210 детей. В 2017 г. 44% населения мира проживало в 90 странах (включая Россию) и особых административных территориях, где уровень рождаемости ниже этого критического значения⁶. В остальных странах рождаемость выше, но она повсеместно снижается. Согласно теории второго демографического перехода, все страны рано или поздно тоже пройдут этот переход, то есть депопуляция (естественная убыль населения) охватит весь мир. Однако что будет дальше? Люди все реже соглашаются заботиться о многочисленных членах семьи в рамках традиционных естественных семей. Неужели они вновь возьмут на себя это «бремя», когда численность населения сократится до «оптимума»? А если не возьмут, то депопуляция будет продолжаться вплоть до полного вымирания.

Здесь для иллюстрации уместна параллель между избавлением мира от «излишков» населения путем депопуляции и избавлением фирмы, оказавшейся на грани банкротства, от «излишних» работников путем сокращения штатов. Но если сокращение штатов — это разовая акция, то уменьшение населения из-за депопуляции — непрерывный

⁶ Рассчитано по: [8]. Критическое значение этого показателя для замужних женщин, способных иметь детей, составляет не 210:100 (как для всех женщин вообще), а примерно 250:100. Чем больше женщин останется незамужними и бездетными, тем выше окажется необходимое для простого замещения поколений среднее число детей на 100 супружеских пар, имеющих хотя бы одного ребенка.

процесс. Он напоминает катастрофическую ситуацию, когда работники фирмы сами увольняются в массовом порядке и мало кто приходит им на смену. Чтобы фирма не закрылась, ее руководство должно улучшить условия труда, повысить уровень его оплаты, поднять престиж своей фирмы и сделать ее конкурентоспособной по сравнению с другими фирмами.

Чтобы население страны не сокращалось, государство должно материально и морально поддерживать мерами семейно-демографической политики полные семьи, состоящие из законных супругов с несколькими детьми. Следует предоставлять им все больше и больше льгот и пособий, а также сделать с помощью СМИ их образ жизни в глазах общественного мнения более престижным, нежели у людей, избравших для себя иной путь, хотя кто-то и считает его более современным и прогрессивным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году (опубликовано 24.01.2013 г.) [электронный ресурс]. Дата обращения 11.08.2017. URL: <http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/otp.doc>.
2. Антонов А.И. Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке // Экономические стратегии. 2016. № 1. С. 40–43.
3. Безрукова О.Н. Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 1. С. 88–110. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5003
4. Вишневский А. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 6–33 [электронный ресурс]. Дата обращения 17.10.2017. URL: <https://demreview.hse.ru/data/2014/07/16/1319120882/DemRev_1-_2014.pdf>.
5. Вовк Е. Практика сожительства в России: распространенность, смыслы, интерпретации // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 46–60.
6. Гурко Т.А., Орлова Н.А. Развитие личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 99–108.
7. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи: [Монография] [электронный ресурс] / Т.А. Гурко; Институт социологии РАН. Электрон. текст. дан. (объем 2,5 Мб). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт социологии РАН, 2016. — 210 с. 1 CD-ROM.
8. Демоскоп Weekly. 2017. № 743–744. Приложение. Основные демографические показатели по всем странам мира в 2017 г. Раздел 1 [электронный ресурс]. Дата обращения 17.10.2017. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/world2017_0.php>.
9. Захаров С.В. Длительность супружеской жизни женщин репродуктивного возраста // Демоскоп Weekly. 2007. № 289–290 [электронный ресурс]. Дата обращения 15.10.2017. URL: <<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0289/tema04.php>>.

10. *Захаров С.В.* Раздел 2. Брачность и брачное состояние // Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 52–80.
11. *Захаров С.В.* Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 75–126.
12. *Захаров С.В., Исупова О.Г.* Глава 2. Брачность и брачное состояние // Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 57–98 [электронный ресурс]. Дата обращения 21.10.2017. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r12/sod_r.html>.
13. *Исупова О.* Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по данным международного сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (126). С. 153–164. DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.10
14. *Клунт М.* Парадигмы и оппозиции современной демографии // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 34–56 [электронный ресурс]. Дата обращения 21.10.2017. URL: <https://demoreview.hse.ru/data/2014/07/16/1319120882/DemRev_1-_2014.pdf>.
15. *Митрикас А.* Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 65–73.
16. *Новоселова Е.Н.* Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 1. С. 99–110.
17. *Синельников А.Б.* Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // Социологический журнал. 2015. Том 21. № 3. С. 132–148. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3068
18. *Синельников А.Б.* Есть ли альтернатива законному браку? // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 3. С. 125–147.
19. *Чурилова Е.В.* Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 78–81.
20. *Шевченко И.О.* Отчим в структуре современной российской семьи // Социология. 2011. № 2. С. 186–192.
21. *Klinenberg E.* Going Solo. The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone. New York: Penguin Books, 2012. — 273 p.
22. *Lesthaeghe R., Surkyn J.* Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update // Demographic Research. Max Planck Institute for Demographic Research. Rostock. April 17. 2004. Special Collection 3. No. 3. P. 45–86.
23. *Van de Kaa D.J.* Europe's second demographic transition // Population Bulletin. 1987. No. 42 (1). P. 1–59.

24. *Van de Kaa D.J.* Anchored narratives: The story and findings of half a century of research into determinants of fertility // *Population Studies*. 1996. No. 50 (3). P. 389–432.
25. *Van de Kaa D.J.* Demographic transitions // *Encyclopedia of life support systems (EOLSS)*. Demography / Ed. by Yi. Zeng. Vol. 1. Oxford: EOLSS Publishers, 2010. P. 65–103.

Дата поступления: 23.10.2017.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2018. VOL. 24. NO. 1. P. 95–113. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715

A.B. SINELNIKOV

Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University;
Moscow, Russian Federation.

Alexander B. Sinelnikov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Family Sociology and Demography Department, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University. **Address:** Leninskie Gory, MGU, Faculty of Sociology, 3rd building of humanitarian faculties, 119234, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7 (495) 939-50-60. **Email:** sinelka@mail.ru

FAMILY AND MARRIAGE: CRISIS OR MODERNIZATION?

Abstract. According to the theory of “second demographic transition”, cohabitation is the equivalent of a legal marriage. The author criticizes this viewpoint. Most men and women marry with three main goals in mind: 1) to be happy; 2) to avoid loneliness; 3) to have children. The author determines the degree to which these purposes are achieved, according to data from the study “The Russian monitoring of economic situation and population health” (RLMS–HSE), conducted by the National research University “Higher school of Economics” and LLC “Demoscope” with participation by the Population Center of the University of North Carolina at Chapel Hill and the Institute of Sociology of the Federal Theoretical and Applied Sociology Center at the Russian Academy of Sciences. Calculations show that, for all indicators (namely the percent of respondents who consider themselves happy and free from feelings of loneliness, the number of children per 100 women and the percentage of women without children), cohabitants occupy an intermediate position between single and married. Cohabitation is not a special form of modern marriage but an intermediate form of marital status between loneliness and legal marriage. The decreasing number of legal marriages and growing number of cohabiting couples lead not to the modernization of the family, but to its weakening as a social institution. The basic functions of family are reproduction of the population, raising children and providing psychological comfort to family members. “Progressive” modern families, based on cohabitation, often remain childless. These families perform such functions to a much lesser degree than the traditional “natural family” based on a lawful marriage with several children. This modernization leads to the destruction of family as a social institution.

Keywords: family; marriage; divorce; remarriage; cohabitation; happiness; loneliness; theory of second demographic transition; crisis; modernization.

For citation: Sinelnikov A.B. Family and marriage: Crisis or modernization? *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 1. P. 95–113. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715

REFERENCES

1. *Analiticheskii otchet po itogam vyborochnogo nablyudeniya reproductivnykh planov naseleniya v 2012 godu (opublikovano 24.01.2013 g.)*. [Analytical report on the results of sample surveys of reproductive plans of the population in 2012 (published on 24.01.2013)]. Accessed 11.08.2017. URL: <http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/orp.doc>. (In Russ.)
2. Antonov A.I. Krizis familisticheskoi tsivilizatsii v XXI veke. [Crisis of family civilization in the XXI century.] *Jekonomicheskie strategii*. 2016. No. 1. P. 40–43. (In Russ.)
3. Bezrukova O.N. The values of children and parenthood: Intergenerational dynamics. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 1. P. 88–110. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5003 (In Russ.)
4. Vishnevskii A. The Demographic Revolution is changing the Reproductive Strategy of Homo Sapiens. *Demograficheskoe obozrenie*. 2014. No. 1. P. 6–33. Accessed 17.10.2017. URL: <https://demreview.hse.ru/data/2014/07/16/1319120882/DemRev_1-_2014.pdf>. (In Russ.)
5. Vovk E. Practice of Cohabitations in Russia: Prevalence, Meanings, Interpretations. *Sotsial'naya real'nost'*. 2006. No. 4. P. 46–60. (In Russ.)
6. Gurko T.A., Orlova N.A. The development of the personality of adolescents in different types of families. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011. No. 10. P. 99–108. (In Russ.)
7. Gurko T.A. *Teoreticheskie podkhody k izucheniyu sem'i: [Monografiya]*. [Theoretical approaches to the study of the family: [Monograph]. 2nd ed., revised and renewed. Moscow: Institut sociologii RAN publ., 2016. 210 p. 1 CD-ROM. (In Russ.)
8. *Demoskop Weekly*. 2017. No. 743–744. [App. Main demographic indicators for all countries of the world in 2017/ Section 1.] Accessed 17.10. 2017. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/world2017_0.php>. (In Russ.)
9. Zakharov S.V. Duration of married life of women of reproductive age. *Demoskop Weekly*. 2007. No. 289–290. Accessed 15.10.2017. URL: <<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0289/tema04.php>>. (In Russ.)
10. Zakharov S.V. Section 2. Marriages and marital status. *Naselenie Rossii 2013: Dvadsat' pervyi ezhegodnyi demograficheskii doklad*. [Russia's Population in 2013: 21st Annual Demographic Report.] Ed. by S.V. Zakharov. Moscow: Izd. dom Vyssei shkoly ekonomiki publ., 2015. P. 52–80. (In Russ.)
11. Zakharov S.V. Transformation of marriage and partnership in Russia: The “Golden age” of traditional marriage is coming to a close? *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve*. [Parents and children, men and women in family and society.] Ed. by T.M. Maleva, O.V. Sinjavskaya. Moscow: NISP publ., 2007. P. 75–126. (In Russ.)
12. Zakharov S.V., Isupova O.G. Chapter 2. Marriages and marital status. *Naselenie Rossii 2012: Dvadsatyi ezhegodnyi demograficheskii doklad*. [Russia's Population in 2012: 20th Annual Demographic Report.] Ed. by A.G. Vishnevskij. Moscow: Izd. dom Vyssei shkoly ekonomiki publ., 2014. P. 57–98. Accessed 21.10.2017. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r12/sod_r.html>. (In Russ.)
13. Isupova O. Russian Consensual Unions In The Early XXI Century (Based on the international comparative study data. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2015. No. 2 (126). P. 153–164. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.10
14. Klupt M. Paradigms and Oppositions of Modern Demography. *Demograficheskoe obozrenie*. 2014. No. 1. P. 4–56. Accessed 21.10.2017. URL: <https://demreview.hse.ru/data/2014/07/16/1319120882/DemRev_1-_2014.pdf>. (In Russ.)

15. Mitrikas A. Family as a value: The status and prospects of changes of value of choice in European countries. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2004. No. 5. P. 65–73. (In Russ.)
16. Novoselova E.N. Voluntary childlessness as a threat to the demographic security of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya*. 2012. No. 1. P. 99–110. (In Russ.)
17. Sinel'nikov A.B. Marriage, Fatherhood and Motherhood in Russian Society. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2015. Vol. 21. No. 4. P. 132–148. (In Russ.) DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3068
18. Sinel'nikov A.B. Is there an alternative to legal marriage? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya*. 2016. No. 3. P. 125–147. (In Russ.)
19. Churilova E.V. Structure and well-being of single-parent families in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 3. P. 78–81. (In Russ.)
20. Shevchenko I.O. Stepfather in the structure of the modern Russian family. *Sotsiologiya*. 2011. No. 2. P. 186–192. (In Russ.)
21. Klinenberg E. *Going Solo. The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*. New York: Penguin Books, 2012. 273 p.
22. Lesthaeghe R., Surkyn J. Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update. *Demographic Research*. Max Planck Institute for Demographic Research. Rostock. Special Collection 3. April 17. 2004. No. 3. P. 45–86.
23. Van de Kaa D.J. Europe's second demographic transition. *Population Bulletin*. 1987. No. 42 (1). P. 1–59.
24. Van de Kaa D.J. Anchored narratives: The story and findings of half a century of research into determinants of fertility. *Population Studies*. 1996. No. 50 (3). P. 389–432.
25. Van de Kaa D.J. Demographic transitions. *Encyclopedia of life support systems (EOLSS). Demography*. Ed. by Yi. Zeng. Vol. 1. Oxford: Eolss Publishers, 2010. P. 65–103.

Received: 23.10.2017.